



Беседа 31 Страдание Спасителя в Гефсиманском саду

Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собой Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отойдя немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты

(Мф. 26,36-39).

Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь. И взял с Собой Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте. И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты

(Мк. 14, 32-36).

Страдание Спасителя в Гефсиманском саду

И, выйдя, пошел по обыкновению на гору Елеонскую, за Ним последовали и ученики Его. Придя же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение. И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю

(Лк. 22, 39-44).

Сказав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими

(Ин. 18, 1-2).

На юго-восточной стороне Иерусалима по глубокой долине протекает поток Кедрон — тот поток, чрез который переходил печальный Давид, преследуемый собственным сыном Авессаломом. Долина, бедно орошаемая маловодным Кедром, известна в истории с самой мрачной стороны. Здесь приносили детей в жертву Молоху (1 Цар. 15, 13; 4 Цар. 23, 4,6—12), и сюда же стекали нечистоты. За Кедром невдалеке возвышается гора масличная, или Елеонская, и при подошве ее расположено селение Гефсимания; вправо от Гефсимании тот же Кедрон орошал долину Иосафата, долину гробов и суда. Вблизи Гефсимании масличный сад. Здесь-то, в виду таких печальных памятников, совершались, по описанию евангелистов, предсмертные страдания Спасителя.

Обыкновенным делом было для Спасителя совершать молитву пред Отцом Небесным. Но теперь Спаситель готовится к чему-то особенному Он оставляет восемь учеников Своих в Гефсимании и берет с Собою в Гефсиманский сад на молитву только троих — Петра, Иакова и Иоанна, тех самых учеников, которые были свидетелями Фаворской славы Его (Мф. 17, 2), тех самых, которым, более чем другим, открывал тайны Свои. Если же

Спаситель из числа учеников Своих только трех поставил вблизи того подвига, в который вступает Он, и этих трех поставил только вблизи, то это дает видеть нам, что сей подвиг Его — тайна, тайна, полного постижения которой напрасно мы стали бы обещать себе и другим. Остается с благоговением проникать в смысл немногих слов, в которых открыли ее евангелисты, чтобы извлечь назидание для своих сердец и умов.

В сильных чертах изображают евангелисты Гефсиманские скорби Спасителя. По словам святого Матфея, Христос *начал скорбеть и тосковать*; по словам святого Марка — *ужасаться и тосковать* по словам святого Луки: *находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю*. Сам Спаситель говорит свидетелям Своей скорби: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26, 38). Спасителю и прежде доступны были скорби, какие может испытывать человеческое сердце. Так Он скорбел об ожесточении сердец врагов Своих, коварно надзиравших за Его поступками (Мк. 3, 5). Когда увидел Он плачущую сестру Лазареву и пришедших с нею иудеев, плачущих о смерти Лазаря, то Сам огорчился духом и возмутился, так что пролил слезы (Ин. 11, 35 — 33). Но все эти скорби были слишком малы по сравнению с теми, которые Он теперь чувствовал. Если говорит Он: *душа Моя скорбит смертельно*, то, без сомнения, выражает то, что происходит в душе Его, и только в том отношении не выражает всего, что есть на душе Его, что слово человеческое не в состоянии обнять силы и обширности душевных страданий Его. Слова: *душа Моя скорбит смертельно*, в устах Спасителя означает скорбь такую, какая бывает при разлучении души с телом, скорбь смертельную, скорбь гжущую. Как же понять это состояние?

Полагают, что Гефсиманская туга Спасителя есть скорбное предчувствие смерти, есть трепет человеческого естества пред смертью. Здесь есть нечто и справедливое. Если смерть заставляет трепетать всякую жизнь, то она болезненна для чистого, святого человеческого Иисусова и потому, как возмездие за грех, несообразна со святостью. Присовокупим еще и то, что умирающего Господа причислили к злодеям, и Он умирал от злодеев. Это должно было увеличить тугу сердца Его пред смертью. Тем не менее всё это не выражает всей полноты скорби Иисусовой. При величии духа Иисусова, какое видим в Его жизни, позорная смерть могла только печалить Его, но не могла заставить Его *скорбеть и тосковать*, и

еще менее могла возбудить ту молитву, которую изливал Он пред Отцом Своим. Если и святые люди могли столько возвышаться духом, оттого что спокойно смотрели в глаза смерти, иногда позорной, чего ожидать надлежало от Того, в Ком самые враги не могли отыскать пятна? Притом Он много раз наперед говорил ученикам Своим о предстоящей Ему участи, изображал ожидающую Его смерть со всеми ее обстоятельствами. Если же мрачная картина страданий Его была пред Его взором задолго прежде того, как явился в Гефсиманский сад предатель, то, конечно, не от страха пред Своею участью начал Он теперь *скорбеть и тосковать*.

Кто готов умереть смертью позорною? Только ли Учитель истины, жертвующий жизнью за верность учения своего? Только ли Праведник гонимый, умирающий с сознанием невинности своей? Нет! Идет на смерть Тот, Кто не на словах, а на деле принял на Себя грехи всего мира. После того понятно, что пред очами Его — не одна позорная смерть, а страшные грехи всего человечества и грозный суд Правды Божией. Вот откуда ужас потрясающий, тоска смертельная, скорбь жгущая, какие ощущает Христос Иисус в Гефсиманском уединении! Пророк Исайя возвещает о Мессии: *Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению* (Ис. 53, 5 — 10). И вот исполняются слова пророка-евангелиста над Иисусом. Гефсиманский Страдалец видел все грехи, все беззакония, все нечестия человечества, которые совершены от Адама до скончания мира; Он видел всё безобразие, всю гнусность их пред святостью Божией. Он видел и нечестие нераскаянного грешника, видел, как ожесточенный отвергает любовь Его, жертвующую собою за наши грехи, ругается над нею в безумной любви к нечистотам сердечным и с охотою идет в ад. Он видел и мои и твои беззакония, слушатель мой, со всею их виновностью пред

святостью Божией. И это в святой, чистой душе Его отражалось муками нестерпимыми. С другой стороны, Он, Примиритель человечества, стоял пред грозною правдою Божией, совершавшею над Ним суд за грехи принятого Им на Себя человечества. Тогда как благоволение Отца Небесного было для Него так дорого — каково было Ему чувствовать неблагоприятие, негодование Отца Небесного! *Не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом* (2 Кор. 5, 21).

Моление гефсиманское полнее и точнее описывает святой Матфей, который показывает, что три раза обращался Господь к молитве: *и помолился в третий раз*, — говорит он.

По словам святого Луки: *преклонив колени, молился*; более сказано у святого Марка: *пал на землю и молился*; еще сильнее изображает святой Матфей: *пал на лице Свое, молился*.

Что же это за молитва? О чем и как она совершается?

Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. — Так молился Страдалец. По словам святого Марка, Он говорит в молитве: *все возможно Тебе* (Мк. 14, 36), просит, чтобы *миновал Его час сей* (ст. 35).

Чаша сия, час сей — без сомнения, означают страдания Искупителя в их полном виде. Так Спаситель говорит Петру, покушавшемуся мечом защищать Его от врагов: *неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?* (Ин. 18, 11). И прежде того говорил Он ученикам: *Можете ли пить чашу, которую Я буду пить?* (Мф. 20, 22).

Как Агнец, закланный от сложения мира (Откр. 13, 8), Сын Божий в предвечном совете добровольно принял на Себя дело искупления людей и не мог отказаться от него во времени. «Не надобно думать, — говорит святитель Лев Римский, — что Господь Иисус желал отклонить от Себя страдания и смерть... Общая воля Отца и Сына состояла в том, чтобы спасти людей крестом Христовым, и уже никаким образом не могло быть расстроено то, что милостиво и неизменно предложено и определено было прежде веков».

Что же значила молитва: *если возможно, да минует Меня чаша сия*? Кто это молится? — Это молится Сын Человеческий, обремененный тяжестью скорбей, это молится святое человечество Его с чувствами святыми, но с чувствами человека. И прежде Он плакал неложными слезами, чувствовал голод непритворно, ощущал

жажду действительную. И теперь, подавленный тяжестью скорбей, Он молит Отца Небесного: да минует Его та полнота горечей, которую пьет Он, — но молит вполне покорный воле Отца Небесного. Человечество Его, изможденное страданиями, не надеясь на себя, удаляет себя от невыносимого подвига, но при условии, если только это не противно воле Божией. Иначе: волю немощного человечества покоряет Он воле Божественной. Разность человеческого и Божественного хотения Своего Он выражает в сем случае так резко, как не выражал в других случаях: *впрочем не как Я хочу* — человечески, *но хочу по воле Сына Божия, как Ты.*

В первый раз Спаситель говорил в молитве: *если возможно, да минует Меня чаша сия.* Во второй и третий раз молился: *если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя* (Мф. 26, 42 — 44). Разность молитвы — очевидная. В первый раз было более желания отклонить от Себя чашу, более желания щадить Себя, остаться со Своею волею — и менее покоя душевного; во второй и третий раз более покорности воле небесной — более твердости и мира душевного. Апостол Павел свидетельствует, что Христос Иисус, принеся с сильным воплем и со слезами молитву, избавлен был от страха (Евр. 5, 7). По благовестию святого Луки (22, 43), *явился Ему Ангел с небеси и укреплял Его.* Итак, плодом Гефсиманской молитвы было укрепление человечества Иисусова в Его подвиге и избавление от изнеможения; иначе: молитва поставила человечество Его в состояние окончить искупительный подвиг на Голгофе.

Грешники! Думаем ли мы часто, думаем ли мы когда-нибудь, за что страдает в Гефсиманском саду Сын Божий? О! как бессмысленны, как бесчувственны мы, любя грехи, столько терзавшие Сына Божия! Каких мук, каких казней стоим мы, пренебрегая мучками Спасителя нашего, томившегося за наши беззакония! Помилуй, помилуй нас, бесконечное Милосердие! Твоими страданиями умоляем Тебя, даруй нам страх против грехов, столько ужасавших Тебя; исполни нас негодованием и ненавистью к нечестию вероломного сердца нашего. Просвети мрачный взор наш, да увидим гнусность грехов наших пред святостью Божией и да трепещем пред грозною участью, которую готовят нам беззакония на суде Правды неумолимой.

О Сыне Божий! Если и Ты, облеченный рубищем грехов моих, повергаешься на землю, как бы недостойный беседовать лицом к

лицу с Отцом Твоим, как же грешная душа моя, покрытая сквернами греха, дерзает быть бесчувственной пред Святостью беспредельною? Она и тогда, как приносит исповедь в грехах пред отцом духовным, стоит холодною, как камень, неподвижною, как бездыханный труп! О! велика виновность нашего бесстрашия пред Богом святым и правосудным. Мы не понимаем, мы не чувствуем, что значит для нас грех, мы пьем нечестие, как воду; ныне и вчера беззаботно увлекаемся суетами мира грешного. Оттого-то так бездушны мы в молитве, так беззаботны о себе, — и заботливо просим себе милости Божией.

Господи! Пошли животворный Дух Твой на бесчувственные души наши, да оживут они для скорбных воздыханий о грехе и бедности нашей, для пламенных и искренних ожиданий Твоей все-сильной благодати. Аминь.

